

Газета ежедневная, кроме понедельников

СИБИРЬ

Цена номера в розничной продажѣ — 5 коп.

Срочныя объявленія послѣ 5 ч. веч. могутъ быть отдаваемы въ тип. И. П. Казанцева. Тел. тип. № 297.

Четвергъ, 23 іюня 1916 года.

на годъ съ пересылкой и доставкой на домъ—9 руб., на полгода—5 руб., на границу: на годъ—14 р., на $\frac{1}{2}$ года—8 р., на $\frac{1}{4}$ года—5 р., на 1 мѣс.—3 р. Подписка принимается съ 1 и 15 каждого мѣсяца, иногородныхъ же—только съ 1-го

впереди текста—20 к., позади текста—10 коп., иногородныя объявленія за впереди текста—15 к., объявленія прислуги и рабочихъ—30 к. за 3 строки. За объявленія въ газету изъ Иркутскъ—5 руб., иногороднымъ—7 руб. за каждую тысячу экземпляровъ

редакция и контора газеты помещаются на Дегтевской ул., д. № 21, И. В. Астраханцева.

Но дѣламъ редакціи можно обращаться въ помещеніе редакціи отъ 12 до 2 ч. дня ежедневно, кромѣ воскресныхъ дней. Присылаемыя въ редакцію статьи и сообщенія должны быть написаны четко и только на одной сторонѣ листа, съ обозначеніемъ фамиліи и адреса автора. Рукописи, доставленныя безъ обозначенія условій вознагражденія, считаются безплатными. Статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи три мѣсяца, а затѣмъ уничтожаются. Мелкія статьи совсемъ не возвращаются.

КОНТОРА газеты открыта съ 9 час. утра до 5 час. веч. **Телеф. редакціи и конторы газеты № 431.**

Объявленія въ газету и подписка на нее помимо главной конторы принимаются въ отдѣленіяхъ ея:

1. Въ магазинѣ Цунасова, уголъ Большой и Ивандовской ул.
2. Въ конторѣ Гартгофъ и Стангъ, Большая ул., противъ Благовѣщенской церкви.
3. Въ магазинѣ Лейбовичъ и Штамбокъ, Большая ул., уголъ 3 ей Солдатской.
4. Въ Знаменской аптентъ, Знаменская ул., № 33.
5. Въ типографіи И. П. Казанцева, Луговая ул., соб. д.

130.

2

мистически-недосыгаемую Москву, старинный вѣрный Оярь, покинутый въ старомъ дѣмѣ среди гибнущаго вишневаго сада, бѣдная тоскующая чайка. Сколько въ чеховскихъ произведеніяхъ осеннихъ тоновъ, предразсвѣтной печали, безысходной тоски. Но тамъ было и другое. Въ чеховскомъ царствѣ обыденщины звучали иногда бодрые призывные голоса, загораались отдѣльныя звѣзды крѣпнущей индивидуальности, росла тяга къ свѣтлой радостной жизни, грезилось высокое торжественное небо съ бриллиантовыми звѣздами, крѣпла вѣра въ будущее, хотя и не близкое, счастье уставшихъ отъ обыденщины людей. Свѣтлая печаль и скорбь чеховскаго дарованія будила отвлѣтныя струны и въ насъ, читателяхъ. Мы любили и любимъ чеховскіе образы. Мы болѣли ихъ тоской, грезили ихъ грезами и тянулись къ свѣтлому радостному будущему. И за то, что давалъ намъ Чеховъ, мы полюбили и будемъ любить его, большого человѣка печальной поры безвременья, чуткаго, удивительно простаго и обязательно нѣжнаго.

Теперь, быть можетъ, и не до Чехова. Ураганный огонь, ядовитые газы, потоки крови, непримѣрное обезцвѣненіе человѣческой личности съ ея глубокими запросами... Все мечтаютъ разрѣшить вѣковѣчные вопросы чеховскаго духа путемъ взаимнаго истребленія накопленныхъ культурныхъ цѣнностей. Но бушующая гроза пройдетъ, наступитъ спокойствіе, и опять люди будутъ тянуться къ далекимъ звѣздамъ и высокому торжественному небу. Быть можетъ, чеховскіе герои отойдутъ въ прошлое, но поскольку небо будетъ находиться все еще высоко надъ землею, постольку у русскаго читателя останется любовное отношеніе и къ Чехову, и къ его произведеніямъ.

Теплѣе, свѣтлѣе и чище дѣлается на душѣ, когда слышишь имя Чехова. Чеховъ—это наше родное, милое, неизжитое, Чеховъ—наша тоска и наша печаль, наша радость и наша гордость.

И тѣмъ дѣлается больше, когда память покойнаго писателя и его интимныя переживанія дѣлаются объектомъ пересудовъ разныхъ провинціальныхъ кумушекъ. Мы имѣемъ въ виду появившуюся въ воскресномъ номерѣ «Иркутской Жизни» статью нѣкоего г. Казанцева—«Обреченный Чеховъ».

Мы не будемъ, конечно, защищать Чехова отъ чьихъ либо пересудовъ. Чеховъ слишкомъ великъ для этого, но статья г. Казанцева наполнена такими выпадами, мимо которыхъ пройти невозможно.

Чеховъ, по словамъ г. Казанцева, «проморгалъ» свою жизнь. Некогда подумать, некогда прочувствовать, нечѣмъ заразиться. Растерялъ пожемогу драгоценныя искры свои и огня не зажегъ. Да и лампадки не зажегъ ни въ душѣ своей, ни возлѣ себя».

«Воистину Чеховъ «проморгалъ» и русскую интеллигенцію и зарожденіе ея теперешняго религіознаго (?) облика».

«Все было некогда, не «засаживался», а присаживался къ столу. А присаживался часто. Но такъ спѣшно нервно набрасывалъ непродѣженное, неберебродившее... Не видѣлъ настоящей жизни, не видѣлъ. Это ужасная грустная правда».

Открытая г. Казанцевымъ «ужасная правда» и размышленія о религіозномъ обликѣ интеллигенціи просто, конечно, смѣшны, но дальше у него уже не смѣшное.

— «Даже романа во всю жизнь не имѣлъ», грустить о Чеховѣ г. Казанцевъ: «Хоть бы немного увлекся, оживился, расцвѣлъ. И женился какъ-то странно. Безъ энтузіазма, восторга, волненія, радости, любви... Супруга «оказалась» доброй, заботливой. А могло и не оказаться? Значитъ не зналъ, не любилъ, не растворился въ ней не преломлялъ (?) въ себѣ... Такъ и лѣзетъ коварный вопросъ: «а любила ли его она?»...

Но довольно выписокъ. Г. Казанцеву размышленія объ интимной жизни супруговъ Чеховыхъ, кажутся, вѣроятно, глубокими, а вопросы—«коварными». Но не кажется ли г. Казанцеву, что онъ своими «коварными» вопросами удивительно напоминаетъ тѣхъ провинціальныхъ кумушекъ, которыя такъ падали на рѣшеніе интригующихъ ихъ вопросовъ: «любить или не любить». Помимо всего прочаго, вѣдь и жена нашего великаго писателя еще здравствуетъ. И не сочтетъ ли г. Казанцевъ долгомъ элементарной вѣжливости удержаться отъ искушенія залѣзть съ своими галошами въ чеховскую душу и чинить тамъ допросы съ пристрастіемъ? И еще одинъ маленький вопросъ: какъ называлъ бы г. Казанцевъ человѣка, который на основаніи исповѣди дневника другого нашего великаго писателя, Л. Н. Толстого, называлъ бы Толстого и убійцей, и прелюбодѣемъ, и сталъ бы задавать свои «коварные» вопросы спутницѣ нашего генія?

Читатель.

Объ А. П. Чеховѣ и о провинціальныхъ кумушкахъ.

Антонъ Чеховъ! Когда слышишь это имя, всегда на душѣ дѣлается мягче, свѣтлѣе, чище. Милые бѣдныя «хмурые люди»! Бѣдный дядя Ваня, Соня, бѣдныя три сестры, тянувшіяся въ